

ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

4

2009

ПОСЛЕ ПРОЧЕРКА

Лидия Чуковская. Прочерк. М., «Время», 2009, 576 стр.

Публикация книги Лидии Чуковской «Прочерк», которая впервые вышла отдельным томом, — это сигнал: книга пробует найти «читателя в потомстве». Попытка, как ни горько сознавать, снова может оказаться «несвоевременной». Страна устала от истории-как-она-есть. Ей опять нужны мифы.

Под матовой обложкой с портретом молодого автора — концентрат горя, ужаса, вошедшего в повседневный быт, убитых надежд. Эта книга не завершена и, пожалуй, незавершима. Она не призвана быть законченным «произведением искусства». Скорее — способом изжить боль.

Главная цель, которую Чуковская ставит в «Прочерке», — записать, что помнит о супруге Матвее Петровиче Бронштейне, расстрелянном в годы «ежовщины»: «Собственную Митину память и собственную Митину волю и Митино будущее 18 февраля 38-го года убили. Меня и мою память — нет. Крупицами своей памяти под напором воли пытаюсь я заполнить пустоты — прочерки! — казенных справок».

Читатель постоянно ощущает ту железную линию, которая делит судьбу автора на «до» и «после» ареста Мити. «Тридцать седьмой ещё не наступил — он ещё только вот-вот наступит. А я хочу ещё немного подышать воздухом кануна...» То и дело звучит оговорка: «Я была ещё тогдашняя, не теперешняя».

Арест мужа стал для Чуковской переходом от жизни — к не-жизни. От настоящего — к минувшему, памяти, писательству... Цитируя Ахматову, она называет себя стаканом, закатившимся в щель «во время взрыва в посудной лавке». Автор «Прочерка» смерть уже пережил.

Взгляд Чуковской внимателен к детали, писательски цепок, хотя «Прочерк» — скорее документ, чем литература.

Вначале мы видим почти безоблачную хронику. Любовь. Совместная с мужем работа над книгой «Солнечное вещество»... То, что было счастьем, останется таковым без примеси мрака. Первые главы — память о той поре, когда Матвей Петрович, молодой талантливый ученый, слышал гул призвания, а гул времени — еще нет: «<...> Митя, в разговоре с общими друзьями или даже наедине со мною, прислушивается не к нашим голосам, не к спору, в котором только что принимал живое участие, а к внезапно, быть может, помимо воли зазвучавшему в нем голосу. „Что с тобою? Куда ты подевался? Голова заболела?“ — „Нет, — отвечал Митя смущенно, — но, понимаешь, задача все не решалась, не решалась, а вот сейчас внезапно почему-то решила решиться“. И он украдкой <...> выхватывал записную книжку, а если мы наедине — откровенно бросался к столу».

Благодаря авторской вере в силу слова прошлое возвращается в настоящее. Возникает зыбкий, прозрачный портрет Мити: «Я любила смотреть, как он, с пером в руке, поднимая голову над откинутой доской и листом, — думает. Недвижность, застылость — лица, глаз. А, вот он что-то ухватил: да, вот движение зрачков. Значит, приближается движение руки. А-а! Вот уже и рука побежала: „И пальцы просятся к перу, перо к бумаге“, и рука едва поспевает угнаться за мыслью».

А потом пришла эпоха, когда, по словам Чуковской, «опасно было — жить».

Ночной обыск в квартире увиден растерянными, еще неопытными глазами автора: «Пока они были здесь, мне казалось, что — стоит им только уйти — я пойму. <...> Но вот я сижу одна и не верю в случившееся — слишком глупо! искать у нас оружие! И отравляющие вещества вместо солнечного!»

Когда повествователь сталкивается с новым, жутким опытом, то ощущает, что передать произошедшее почти невозможно. В том числе родному человеку, Мите: «Главное — понять. Я сбивалась. Как объяснить ему белесый, оструганный затылок (сотрудника НКВД. — Ф. Е.), рукописи в ключьях на полу, бурые печати на дверях. Но не в этом ведь дело. Я хватала карандаш, но и карандаш, хоть убей, не помогал уяснить мысль». Все попытки спасти Митю оказались тщетными. Вскоре его арестовали, а потом расстреляли. Наступило «после». Все мы — тоже живем после.

Постижение абсурда мучительно. Человек сопротивляется тому, что его опыт бессмыслен. «Зачем?» — вопрос-лейтмотив «Прочерка». Желание понять, выговорить, объяснить себе, что произошло со страной и людьми, преследует автора: «Одно только непонятно — зачем? С какой целью? Зачем? Зачем, в самом деле, брать человека, заведомо неповинного, и бить его до тех пор, пока он не сознается, что намеревался взорвать Смольный?»

Социальный эксперимент? Моральное уродство? Паранойя власти, которая утопает в крови и может самоутвердиться только еще большей кровью? И опять, опять: «„Зачем?“ — об этот вопрос все мы стукались лбами, как баран о забор. Вот если в НКВД проникли вредители, тогда понятно. К тому же мы ещё не заметили в ту пору, что сажают не только лучших, но и худших. Что сажают вообще пассажиров трамвая № 9 или № 23 — всех без разбора <...>».

В то же время Чуковская приводит бесстрашные слова друга семьи, Г. Иегудина, сказанные с глазу на глаз уже тогда, в самый разгар репрессий: «Аресты подрывают культуру, хозяйство, промышленность, но не власть <...>. Напротив, они мощно укрепляют её. Машина работает совсем не зря и не вхолостую. Тот конвейер <...> — часть машины, у которой есть свое плановое задание. Она вырабатывает не автомобили, не сталь, а страх».

Наиболее узнаваема в «Прочерке» именно немота, в которой совершаются преступления, могильная повседневность «пира во время чумы»: «Город жил своей обычной жизнью: работал, учился, влюблялся, читал газеты, отдыхал, слушал радио, ходил в театр, в кино, в гости. <...> Весело встречал Новый год... Быть может, это и было самое страшное».

Самые пронзительные страницы «Прочерка» — отчаянье автора, срыв в бессильный крик: невозможно объяснить жертвам, что их ведут на убой. Что «дым без огня» — бывает. Что «врагом народа» может стать каждый.

«А пока что тянется и тянется на Литейном, по левую мою руку, Большой Дом. <...> машины с погашенными фарами спускаются иногда с моста <...> это нового врага настигли в постели и привезли в тюрьму. <...>

— Вот мы их всё браним, — говорит моя спутница (жена арестованного, которая одолжила Чуковской платок. — Ф. Е.), кивая со вздохом налево, — а ведь и их пожалуй надо: работают всю ночь напролет.

Работают?

Кого они там сейчас истязают? Её мужа? Моего?

Я не нахожу ни слов, ни дыхания. Ненависть перехватывает горло. Я сдираю с себя принесенный ею платок, два или три раза хлещу её по плечам, по голове, швыряю платок наземь и пускаюсь бежать, оставив мою благодетельницу ошеломленной.

Я не знаю, что больше потрясло меня в тридцать седьмом: зверства властей или степень человеческой глупости?»

Но если искренняя «глухонмота» — черта многих современников Чуковской, то — что сказать про сегодня? Для нового читателя реалии «Прочерка» далеки, как эпоха Владимира Красное Солнышко. «Политические репрессии» — каменный уголь истории, глава в учебнике уборым шрифтом.

«Большой Дом» (ленинградское здание ОГПУ), мимо которого почти буднично спешили герои «Прочерка», возможно, покажется «непуганому» чем-нибудь вроде «Большого Брата» из произведения Оруэлла. Чуковская пишет, как женщины выстаивали бесконечные тюремные очереди, сутками дожидаясь «своей буквы», на которую начинается фамилия мужа, родственника, друга или подруги... Все это — в лучшем случае — будет прочтено как деталь антиутопии, «нумера» из романа Замятина «Мы».

Сталин становится третьим в списке конкурса «Имя России». И мальчик в автолайне умненьким голосом втолковывает сестре услышанное от родителей: «Сталин был сильный. Всех построил».

Не было! не бы-ло! — со спокойной убежденностью говорят мне довольно молодые люди в ответ на упоминание о «большом терроре». Были всего лишь «партийные чистки». Миллионы жертв — придуманы врагами. И это говорится в двухтысячные годы. Слишком далекие от тридцать седьмого, слишком близкие к нему? Неужели вместо культуры, вместо истории у нас — прочерк?

Возможно, кому-то выгодно порождать мифы-мутанты, якобы взращивая национальную гордость. Выгодно — не помнить, не видеть, не знать. «Ведь молодой, сильный мужчина, поднимающий руку на заведомо неповинного, молодой мужчина, стулом или рукояткой револьвера избивающий старика или женщину, — ведь это существа извращенные, выпадающие из нормы. Где он был до той поры, пока не сделался профессионалом палачества, чем занимался? Ведь он жил среди нас».

Сегодня внуки жертв и мучителей едут в одном автобусе. Время — не линия, а горящая магма, со всплесками тенденций, убеждений и вер. Спит взрыв. Для нации амнезия — хуже смерти, многократная смерть. Она называется варварством.

«Прочерк» стремится устранить зияние в пространстве общей памяти. Он создан не для прошлого, а для будущего. Чуковская пишет — и сомневается, что прочтут: «Верили ли мы, что другое время настанет? Пожалуй, да. Безо всяких оснований, но верили. Ведь для веры основания не требуются».

«Прочерк» — книга последней надежды на воскресение. Ведь у автора от «великой» эпохи 1930-х остались только образы потерянных близких. Еще — сны, в которых ее муж по-прежнему жив: «...А то во сне придет и сядет // Тихонько за столом моим...» Еще — строки любимых погибших поэтов.

Еще — одиночество: «Я выбегала к ним: дома, без Люши, без Мити, мне всё опостытелo... Сидишь у себя — с кем ни сиди — и тебе ясно, что Мити нет; а сидишь где-нибудь у друзей и воображаешь: вот приду домой, а он дома!»

Нам от эпохи остался «Прочерк», который все это вместил. Вычеркнуть из исторической памяти, сознательно забыть преступления — преступно.

История чревата повторениями: либо мы прочтем «Прочерк», либо переживем его заново. Если переживем.

Федор ЕРМОШИН

НАШ ГАСПАРОВ

Ваш М. Г. Из писем М. Л. Гаспарова. М., «Новое издательство», 2008, 452 стр.

Новую книгу Михаила Леоновича Гаспарова «Ваш М. Г.» даже в наше ко всему приучившее время иначе как удивительной не назовешь. Хотя на первый взгляд есть уже целый ряд подобных ей: вслед за солидным томом писем Лотмана, изданным «Языками славянских культур» и недавно переизданным, не менее увесистым собранием переписки того же Юрия Михайловича с Борисом Андреевичем Успенским, выпущенным НЛО, письма первых лиц нашей великой филологии шестидесятых — восьмидесятых уже стали, похоже, неотъемлемой частью интеллектуального чтения. Но у Гаспарова и здесь все по-другому: может быть, сказался специфический отбор адресатов, а может быть...

Сказать, что эта четырехсотстраничная книга проглатывается «на одном дыхании», было бы неправдой: о слишком сложных материях идет здесь речь. Хотя сравнение с эпистолярным романом (разумеется, не в традиционном смысле, несмотря на то что все адресаты — женщины) сразу же напрашивается: недаром самой упоминаемой в ссылках после писем книгой являются «Записи и выписки» того же Гаспарова, получившие признание именно как художественное произведение.

Комментаторы отсылают к «Записям...» вовсе не случайно: именно там, как они справедливо полагают, читатель найдет разъяснения многих мыслей автора и ситуаций, в которых эти мысли рождались.

Кстати, коль скоро речь зашла о комментариях, необходимо сразу же отметить их точность и завидный профессионализм комментаторов. Что, в общем-то, и неудивительно: ведь это блестящие ученые разных возрастов и специальностей: это адресаты писем Нина Владимировна Брагинская, Наталия Сергеевна Автономова и члены редколлегии книги, взявшие на себя труд объяснить темные места в письмах к ушедшей еще до Гаспарова Ирине Юрьевне Подгаецкой.

Объяснять, кто это такие, думаю, нет никакой необходимости: если читатель взял в руки книгу Гаспарова, он, безусловно, знает его соавторов и, как теперь стало ясно, близких и настоящих друзей.